

Золотая шалочка

Доминик Перро станет автором Мариинки-2

Коммерсантъ - 2003 - 30 июня - с. 13.

В субботу в Санкт-Петербурге в Академии художеств был объявлен победитель архитектурного конкурса на новое здание Мариинского театра (см. «Ъ» от 10 июня). Им стал француз Доминик Перро. Конкурс, нашедший со скандала, завершился сенсацией. Из Санкт-Петербурга — АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ.

Так получилось, что проект Перро я увидел первым в России — он показал его мне после своего мастер-класса в Москве. Театр подзолотым решетчатым коконом выглядел настолько петирувично, что в продолжение всего компьютерного ролика я думал, что Перро разорвут в Питере на куски. Этот проект был еще радикальнее, чем проект Эрика Мосса.

В Питер архитекторы слетелись 26-го, чтобы по очереди представить свои проекты. Шалочка была заперта, и под коком работало жюри, а мастера мировой архитектуры слонялись по городу, читали от нечего делать лекции и порчали, что они не мальчишки, чтобы дожидаться под дверью, когда позвонит Судухин о ходе судейства не просачивалось, разве что жалобы на строгость не отапливались, не курить, не переговаривать. Да еще можно было видеть подбывающие к Академии художества микровтобусы, откуда выгружали лоду и хлеб — запаканованные в пластик пакеты для членов жюри и техперсонала. О чем-то можно было догадаться во время защиты проектов — Валерий Гертвиг явно не собирался выступать всех подряд, и его предпочтения стали тут же ясны. Бродили слухи, составлялись и менялись тройки лидеров. Перро — Ботта — Бовок, Перро — Исодзак — Холляйн, Перро — Холляйн — Эгертат, в итоговой свадке сошлись отец постмодернизма — 70-летний Ханс Холляйн и «новый младший» — 50-летний Доминик Перро.

Мне по мере на объявление пришли все. И с опозданием на какой-то час (ждали Валерия Гертвига) решение было объявлено. Из 13 членов жюри двое — за Холляйна, остальные — за Перро. Пока толпа журналистского ликования смеялась Перро, я высматривал пропавших. На Мосса было жалко смотреть. Ясно было, что он пошел до конца, не отступил и не сохнулся, но от этого ведь не солдатской твердостью, а университетским задушевством. Он и вширь расстилал, дорогу новым проектам — конкурентам, но совершенно не желал — смириться с той своей конкретно-исторической ролью. «Фукса сказала мне: „Зачем ты участвуешь, у тебя нет никаких шансов“. И это член жюри Перро! — горелая он.

Между тем Мосса явно ошараш, причем дважды. Впервые, согласившись участвовать в новом конкурсе, во-вторых, переделав свой проект и превратив его в печальное национальное в первом. Почетный диплом он получил сублитным путем. А ведь мог бы заподирить неадекватное лицо по той любви, которой на сей раз окружил его Питер. Такой любовью здесь пользуются только агустайеры. На сей раз болонское возмущало именно Перро, громко спрашивая: «А кто станет мять наш золотой кокон? А убирать за вами кто будет? Слезте, убиральщики!»

Потом был милейший профессор Марио Ботта, у которого хронически не складывались отношения с Санкт-Петербургом. Уже два его проекта уехали в Белоглаз, теперь третий — третий, хотя многие отмечали, что он едва ли не наилучшим образом продумал с точки зрения механизма театра. «Я вот не верю, но я же сделал сингапур», — отвечал мне на это швейцарец.

Многие держали за ван Эгертата и его «Ручку ангела». — так он назвал свой проект («...под коконом белых ношей убавкивают звуки музыки Ручкой Ангела...» — это из повествовательной записки, разве что не положеной на музыку). Ван Эгертат, со своим артистическим заданием и в костюме слуреском, потом пошел и в проницательный позарий Перро: «Кто вы, а кто... Я делал обычные коммерческие проекты, а хотелось бы сделать что-нибудь выходящее — театр, например».

Арау Исодзак и угасили и худрук Гертвиг, и министр Швыдкой. Его проект — оммаж русскому конструктивизму — был на выстав-

Французский архитектор Доминик Перро побывал в золотую сеть своего проекта жюри конкурса на новое здание Мариинского театра. Фото Евгения Павленко

ке одним из самых красивых. Искусство ведь разглядывали перспективу, в которой удавались «горизонтальные небоскребы» Лисицкого, и горделиво вспоминали, откуда есть пошла современная западная архитектура. Но, видимо, город, уже однажды при Сталине замазавший свой конструктивизм классическим декором, не готов был пойти на новый круг. Так, наверное, проиграл бы русский архитектор, предложил бы на конкурс по пекинскому опере здание в виде вертолета.

Проект Андрея Боккова и Олега Романова, сложный, внимательный к контексту (они единственные, кто попытались сохранить старинское здание ДК первой пятилетки), оказалось даже слишком тонким. Их работа была похожа и на проект Ботта, и на проект Перро, но жюри явно захотелось увидеть один очевидный прием здания в виде вертолета.

Победа русского была бы конечно леста, но породила бы сомнения в объективности (а что поделает, если на всех последних конкурсах русских тащили за уши) и вообще убивала бы идею международного соревнования. А организаторы бы подвели под монастырь за расструп казенного полумиллиона. В конце концов, здесь не было новичков, русские команды не на помоях нашли, и почему тогда время многочисленных и многотысячных страданий и собирания звездной сборной по всему миру не перейти улицу и не за-

По московскому пути

В январе 2002 года в Санкт-Петербурге разразился форменный архитектурный скандал. Директор худрук Мариинки Валерий Гертвиг и тогдашний шэф Гострыя Анавар Шамаузаров представили проект известного американского архитектора Эрика Мосса. Городская общественность разгнева Мосса в пух и прах, объяснение, что у самих архитекторов найдется. Газеты подхватили скандал; один жалелся Питер, другие Мосса, и вскоре всем стало

ясно, что не избежать конкурса, причем международного и с международным жюри. Конкурс «Мариинский-2», в котором приняли участие 11 архитектурных команд из России, Швейцарии, Франции, Австрии, Голландии, США и Японии был с большой помпой объявлен в прошлом декабре. В мае проекты прибыли в Питер и — беспрецедентный случай — были выставлены для публики в залах Академии художеств.

Казать проект давно знакомому человеку. Поэтому гусуда Бовок и Романов спокойно пожали руку Перро перед премированными проектом. Проект Доминика Перро обманчиво прост. Знание простых форм из темного мрамора и стекла, замкнутого днем и светящегося вечером, закрыто со стороны Мариинского театра огромным золотым коконом, работающим в панораме плоского Санкт-Петербурга как еще один купол. Со стороны площади золотая сетка создает фон для исторического здания театра, а на другой стороне Крюкова канала принимает фон под свою сеть некое третье пространство, принадлежащее одновременно и театру, и городу. Это идея городского и театрального дойе — одна из самых привлекательных черт проекта. На таких точках — впечатляющий объем, отменяющий театр в городе. Востан — демократичный и гостеприимный элемент, связывающее огромный новый театр с тканью старого города.

Именно сочетание простоты приема и сложности восприятия сделали проект Перро безусловным фаворитом конкурса. Другие предложения казались более проработанными и потому закрытыми для совершенствования. Перро не притворялся, что заранее продумал любую мелочь, но ясно дал понять, насколько богатым и сложным может быть воплощение его простой идеи. Проект Перро — набросок, в котором скрыто огром-

ное количество возможностей. Именно эта победа определила выбор, и за Перро горой встала техническая служба Мариинского театра — люди, работавшие на главных мировых сценах, поняли, что именно этот вариант даст им больше всего возможностей.

— Ну вот, победил Перро. Что дальше — будете его ломать через колено? — спросил я главного архитектора Петербурга Олега Харченко.

— Ну вот еще, — обиделся он. — Зачем тогда конкурс было городить.

— Наверное, денег не дадите? — спросил я министра культуры Михаила Швыдкого. — Говорят, из обещанных 100 млн дадут 80, а то и 60.

— Нет, — обиделся министр, — никаких не 60 или 80, а 100 или 120.

Впервые за последние 70 лет проведен открытый для иностранцев конкурс, честность которого пока никто не ставит под сомнение. Впервые жюри, в котором сидели рядом русские и иностранцы, пришло к единому решению и выбрало из всех представленных объективно лучший проект. Впервые с решением жюри узнали не за два месяца до объявления результатов и состав в зале был натурально оскорожским.

И все равно было очень тревожно. Пока победители обнимались, а неудачники проливали слезы, я пытался понять почему. Один разводил руками, никак не в силах было сказать, что конкурс прошел честно и без скандала. Другие сокрушались, стоило ли убивать Мосса, чтобы получить за это Перро — в бок. Но и это меня не волновало. Третьи, и я в том числе, думали о том, что дальше. Да, победил лучший проект из представленных, но дело не только в Мариинском театре. Если он будет построен, начнется новый этап и в архитектуре Петербурга, и в русской архитектуре в целом. Крах и импотенция охранительной архитектуры в стылках, с избытком явленным в дужковской Москве, станут совершенным и окончательным очевидиями. И что же тогда будет? Новый модернизм? Новое обращение с историческим городом? Хотим ли мы этого? Хотят ли русские войны? Хотят, хотят, хотят.